

© 2010 г. А.В. Зезюлько

ТЕХНОКРАТИЗМ И ЕГО КРИТИКА «АНТИТЕХНОКРАТАМИ»

Феномен технократизма изучается давно, как с позиции социальной науки, так и со стороны публицистики. Как правило, при этом преобладают негативные его оценки, хотя встречаются и восхваляющие технократизм. Предпринята попытка показать противоположные оценки, которые давались в XX в. научно-техническому прогрессу гуманитарной мыслью. Особое внимание уделено основным направлениям его критики со стороны анти-технократов.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, технократия, контр-культурный протест.

Что означает для человека бурное развитие науки и техники? Этот вопрос только на первый взгляд кажется риторическим, а ответ на него – простым. На самом деле уже в XX веке сформировались различные идейные позиции, сторонники которых дают научно-техническому прогрессу прямо противоположные оценки. Технократизм, воспевающий технику, столкнулся с жестким ее неприятием. Технократический восторг был однозначно присущ профессиональным футурологам. Так, Дэниел Белл, американский социолог, профессор Гарвардского университета еще ранее, в 60-х гг. XX в. выдвинул концепцию постиндустриального общества. В ней он обосновал прогноз трансформации капитализма в новую социальную систему в результате прогресса науки и техники. Новое общество должно отличаться от индустриального и будет свободно от его конфликтов и противоречий. В наукоцентрической версии «постиндустриализма» главное место сначала занимала идея перехода от доминирования в обществе индустриальных корпораций – к господству научно-исследовательских центров и объединений. Позже в США вместе с другими теоретическими картинками будущего вышла тогда работа Дж. Нейсбита «Мегатренды: десять новых тенденций, трансформирующих нашу жизнь». В ней давался анализ изменений, которые должны произойти в американском обществе под воздействием компьютерной революции. Эти изме-

нения рассматривались автором как исключительно добрые процессы, дающие возможность человечеству продвинуться в своем развитии и сделать всеобщим достоянием индивидуальность, гуманизм, и свободу.

Согласно оптимистам-технократам ближайший период времени станет для человека мостом от индустриального общества к информационному, где именно информация и только информация будет играть главенствующую роль, станет источником созидания. Глядя из сегодняшнего дня, можно заявить, что предсказатели не слишком ошиблись, так как уже сегодня и политики, и теоретики говорят о суперзначимости информации как в экономике, так и в политике. Полный переход к информационному обществу будет, казалось, влечь за собой создание «гуманистических технологий», ориентированных на благо человека. Жизнь общества должна стать «человекообразной», и первую роль в этом сыграют наука и техника. Инженерия машин и инженерия человеческих душ. От национальной экономики произойдет безболезненный и плавный переход к экономике глобальной, где все страны и народы будут гармонично и без всякой агрессии общаться. От краткосрочного планирования и мелких реформ общество перейдет к долгосрочным проектам, будущее сделается прозрачным, и это станет возможным, благодаря высочайшей рационализации всех сфер общественной жизни. В подобных условиях города-гиганты, создающие людям множество проблем, должны перестать существовать. В них просто не будет никакой необходимости. Человечество станет проживать в маленьких уютных городках, мудро вписанных в природу, в небольших «электронных поселках». Там люди могут непосредственно общаться, образовывать свободные, лишённые принуждения формы коллективности. Любое общественно-важное решение станет приниматься с учетом мнения всех участников социального диалога, при этом на обсуждение будут демократически выносить не два, а множество предложений. Автор дает читателю надежду на торжество «культурного плюрализма». При таком плюрализме исчезнет всякая конфронтация между этнически разными людьми, а семья благополучно исчезнет, и первичной ячейкой общества станет личность, обладающая всеми правами и возможностями для неограниченного самовыражения. Поскольку со времени написания книги прошло около 30 лет, и часть предсказаний, сделанных автором, осуществилась, прежде всего в части информатизации общества, можно сказать, что

сама по себе информатизация пока не принесла рая на землю. Ни этнические, ни расовые конфликты не исчезли, развал семьи переживается крайне болезненно, и «технически продвинутые» народы оказываются теснимы представителями традиционных обществ, иммигрантами, которые не вполне владеют компьютером, но успешно рожают много детей.

Другой американский исследователь Э. Тоффлер второй половины прошлого столетия стремится в своей книге «Третья волна» нарисовать будущее человечества как возвращение к доиндустриальной цивилизации на новой технологической основе. Рассматривая историю как постоянное волновое движение, Тоффлер описывает черты грядущего мира, экономическим стержнем которого станут, как ему представляется, электроника и компьютеры, космическое производство, эксплуатация недр океана и «биоиндустрия». Это и есть та самая Третья волна в развитии человечества, которая сменяет аграрную (Первая волна), а затем промышленную (Вторая волна) революции. Тоффлер исследует общественные преобразования как прямое следствие технического прогресса. Он обращается к различным сторонам социальной действительности, но при этом рассматривает в качестве доминанты качественные изменения в техносфере (он имеет в виду производство, энергетическую базу и распределение). В то же время он достаточно много рассуждает о том, что техника должна соответствовать экологическим и социальным критериям. Тоффлер показывает, что обработка информации поможет создать осмысленные «целостности» из хаотических явлений, окружающих нас. Он демонстрирует, полемизируя с оппонентами, плюсы будущей высокотехнологичной культуры. Тоффлер пишет, что благодаря компьютеризации: «...у малышей, растущих среди умных, толковых и отзывчивых людей, т.е. в сложной и стимулирующей среде, может развиться совокупность совершенно иных способностей. Если малыши умеют привлекать себе на помощь окружающую их среду, то они становятся менее зависимыми от родителей в подростковом возрасте. Они способны приобрести умение чувствовать мастерство или компетенцию. Они же могут позволить себе быть пытливыми, пускаться в исследования, предаваться буйным фантазиям и усвоить такое отношение к жизни, когда проблемы решаются, а не становятся непреодолимой преградой. Все это может способствовать изменениям и в самом головном мозге. Но в данном случае мы можем только строить догадки. Однако

нельзя исключить и такую возможность, что интеллектуальная окружающая среда может привести к образованию у нас новых синапсов и увеличению коры головного мозга. Вполне вероятно, что под влиянием "поумневшей" окружающей среды умнее станут и сами люди». Однако все это лишь первые намеки на более значительные перемены, которые несет с собой новая инфосфера, ибо демассификация средств массовой информации, сопровождающаяся одновременным возрастанием роли компьютера, совместными усилиями изменят нашу социальную память [1].

В другом месте в «Третьей волне» речь идет об электронных домиках. Тоффлер уверен, что за ними будущее. « Сейчас, – пишет он, – требуется смелость, чтобы предположить, что наши самые большие заводы и офисные здания могут еще при нашей жизни наполовину опустеть, превратиться в мрачные склады или их переделают под жилые помещения. Но это вполне возможно при новом способе производства: при возвращении к домашнему производству на новой, более высокой, электронной основе и с новым отношением к дому как к центру общества» [1]. Со многими положениями Тоффлера, также как и Нэйсбита, трудно не согласиться, некоторые уже оказались воплощены в жизнь, хотя и не в столь радужном варианте, как полагали авторы 80-х гг. Компьютеризация образования и «игра с клавиатурой с младенчества» еще никого не сделала ни разумнее, ни нравственнее.. Но для нас в данном контексте важно то, что, в особенности у Тоффлера, развитие техники видится как рок человечества. Возможно, благой рок, но фатальный и неизбежный, в общем-то, не зависящий от желания и сознания людей. Тоффлер непрямо, но настойчиво показывает, что «сопротивление бесполезно», научно-технический прогресс неудержим, даже если мыслить его как джинна, выпущенного из бутылки. Одним из серьезных упреков, которые выдвигаются оппонентами технократических идей, является утверждение, что активное внедрение новых технических, в том числе компьютерных устройств, в производство увеличивает безработицу, поскольку высвобождается много людей, ранее занятых формализованными операциями и замененных теперь машиной. Представители технократической мысли отвечают на это, что освобожденные люди могут быть успешно переучены и трудиться в другом секторе экономики. Критики их идей отвечают: «По поводу угрозы технологической безработицы, неизбежной при традиционном

отношении к росту населения и производству: никакое переучивание здесь ситуацию не спасет. Развитие технологии должно приводить к сокращению рабочего времени при неизменной численности сотрудников (или даже росте!) и их зарплаты, а не только к попыткам переучивания и приложения своих сил в другой сфере производства. Но это невозможно при существующей экономической системе» [2, с. 187].

Другая оптимистическая, но бездоказательная идея технократов состоит в том, что высокотехнологическое общество как-то неприметно, само собой перетечет в общество справедливости, где каждый гражданин и работник будет благоденствовать и успешно удовлетворять свои растущие потребности. На это тоже есть возражение: «Любой вид человеческой деятельности, в том числе «познавательно-информационный» протекает в рамках определенной материальной структуры. И совершенно ниоткуда не следует, что распоряжение этой структурой со всеми вытекающими последствиями не будет носить тот же частноблаготворительный характер, что и ныне. Как и раньше, капитал будет покупать людей – носителей знаний и информации либо непосредственно, либо опосредованно, через право владеть инфраструктурой производства и приложения знаний и информации» [2, с. 185]. Здесь как раз и просматривается утопичность технократических утверждений о техническом прогрессе, ведущем человечество к благу помимо самого человека., а также о независимости техники от субъективного, человеческого. Такие взгляды существуют, вероятно, столько же, сколько существует проблема техники как общественно-природного феномена. В свое время В.А. Кутырев в сборнике «Человек в системе наук» утверждал, что технические силы образуют онтологическую самостоятельность и собственную рациональность, что производство способно полностью развивать само себя. Но подобная постановка вопроса опровергается ходом научно-технической революции, показывающей, что техническая деятельность все больше приобретает характер социальной деятельности, а многие ее аспекты регулируются не только техническими регламентами, но и правовыми и административными средствами. И поскольку уже некоторый период (со второй половины 19 века) техника воспринимается как воздействие «неодолимой силы», против ее засилия формируется протест. Как на уровне отношений «индивид – техника», так и на уровне отношения «техника – социум». Было бы

неверным проигнорировать тот факт, что оптимистичные технократические идеи получали и получают по сегодняшний день резкое порицание и неприятие. Иногда это неприятие выражается в форме тотального контркультурного протеста. Одним из таких протестантов, продолжающих прежние идеи неприятия техники, был Теодор Роззак.

Книга Теодора Роззака «Создание контркультуры» появилась в 1969 г. Вообще, рубеж 60–70-х гг. славен кризисом направления «новых левых», который сопряжен с бурной активизацией «лево»-экстремистских групп в 1968 г. Они стремились любое выступление бунтующих студентов превратить в драку и кровопролитие. Отечественный философ Ю.Н. Давыдов (1) указывал на глубокие противоречия в движении «новых левых», на их нетерпеливое желание их лидеров революционно-практически осуществить критику «буржуазной цивилизации». Эти лидеры опирались в том числе на идеи «Франкфуртской школы», которые отвергали буржуазную культуру, считая ее угнетательской. В частности, М. Хоркхаймер и Т. Адорно, критикуя наличное общество, заявляющее о себе как о рационально-техническом, применяют термин «культуриндустрия», Скандально известный Герберт Маркузе еще с 30-х гг. высказывается острокритически, полагая, что культура индустриального общества всегда угрожает индивидуальной свободе. Это значит, что политическая революция с необходимостью сопровождается культурной. Это и нравилось «новым левым» в конце шестидесятых. Экзистенциализм, выраженный не только в теории, но и в практических действиях «вечного бунтаря» Жана-Поля Сартра, создавал образ студента-борца, которому не нужно учиться или работать, потому что его призванием является бунт и коренная ломка общественных порядков. Студенты пошли по пути разворачивания физических столкновений с полицией, и это закончилось серией трагических, кровавых событий 1968 г. Именно тогда Теодор Роззак развивает своеобразную концепцию контркультуры. В ней он развивает идею о движении хиппи как высшего контркультурном проявлении. Роль низшего вида контркультуры досталась политическим действиям «новых левых». Контркультура предстает у него как интегральная идея нового переживания мира, а также жизнетворчества. Она резюмирует самые разные, порой противоположные устремления «нонконформистской молодежи», которые проявились в период со второй половины 50-х и до конца 60-х гг. Главный объект борьбы согласно Т.

Роззаку – это технократия. Она должна быть при этом понята: она поистине «метафизична», а не «социологична». Технократия реализует себя в упрочении военно-промышленного комплекса, она разрушительно и варварски обращается с окружающей средой. Ее характеризует утверждение социальной несправедливости, она угнетает индивидов и манипулирует сознанием. С этим явлением очень трудно и почти невозможно бороться: корни технократизма уходят вглубь – в рационально-научные устремления человека Просвещения и Нового времени. Зло обитает в техническом разуме, в «научности», в стремлении к рационализации, упорядочиванию и контролю. По Роззаку истинный корень всех бед цивилизации, включая войну во Вьетнаме, это технократия, наука и связанное с ней рациональное сознание. Технократия и разум играют в этой версии контркультурной теории роль истинного дьявола, который когда-нибудь «должен ответить за все».

Если контркультурный протест Роззака поднимал ярость молодежи против техницизма в конце 60-х гг. прошлого века, то сегодняшние технофобы, скорее страшатся техногенного будущего, чем готовы с ним сражаться врукопашную. Это касается в том числе людей, причастных, как ни странно, позитивистскому мировоззрению, которое, казалось бы, должно было толкать их не к страху, а к позитивной оценке происходящего. Так ведущий специалист знаменитой «научной кузницы» США Силиконовой долины, радикальный позитивист Билл Джой в 2000 г., в апрельском номере журнала «Wired»¹ предупреждает читателей, что «мы все не нужны будущему». В статье «Почему будущее не ждет нас?», опубликованном вскоре в нескольких столичных газетах, Джой утверждает, что следующее поколение научных изысканий в сфере нанотехнологии, в геномной инженерии, в робототехнике низвергнет человечество во мрак и безумие. Автор, фактически, впадает в панику: он призывает запретить исследования в названных сферах, призывает создать международную научную полицию, которая гарантировала бы в обозримые десятилетия то, что ученые не создадут и не сделают массовыми «мыслящие машины», которые могут стать заменой человека, способной истребить человеческий род. Интересно то что Джой прежде всего пугает себя сам, потому что согласно его убеждению, которое разделяет и известный «научный террорист», успешно скрывающий себя Теодор Качинский, человек – не более

---

¹Культурный кибержурнал глобальной деловой сети корпорации Ройял Датч Шелл.

чем сложная машин. Он может быть вытеснен роботами, так как лишен каких бы то ни было божественных свойств. В этой парадигма мышления оказывается, что человек может быть вполне закономерно заменен компьютерами, обладающими вечным существованием и способными. С.Н. Некрасов пишет по этому поводу: «Предлагается Холокост для науки. Полемика против достижений науки, развиваемая в кибержурналах, призывает к созданию смирительной рубашки для науки посредством организации своеобразного «Холокоста научного познания». Кружок интеллектуалов из Силиконовой долины, чьи взгляды озвучил Джой, состоит из друзей А. Гора, призывающих к джихаду против науки. Джой ссылается на Манифест Т. Качинского, использующего книгу Р. Курцвайга «Век мыслящих машин». Аналогичные взгляды неомальтузианского типа высказывает и сам А. Гор в книге «Земля на балансе» [3]. Страшные утопии и пугающие фантазии – типичный способ мышления современных технофобов. Впрочем, если техники не стоит панически бояться, то исследовать научно-технический прогресс и критиковать его в его проблемных точках и можно, и необходимо. В итоге хотелось бы подчеркнуть, что, видимо, истина лежит посередине, и научно-техническому прогрессу на каждом его этапе должна даваться взвешенная оценка, учитывающая как его плюсы, так и минусы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Третья волна <http://textshare.da.ru> <http://textshare.tsx.org>
2. Цаплин В. Странная цивилизация М., 2006.
3. Некрасов С.Н. Технофобия и закат прав человека// <http://rpr.ur.ru/klub/>
4. Давыдов Ю.Н. Эстетика нигилизма М., 1975.